

В.А. Костенич (г. Могилев, Беларусь)

РЕЛИГИЯ «ПОНЕДЕЛЬНИКА» ИЛИ «ЭТИКА БОДХИСАТТВЫ»

В христианском символическом видеоряде существует хрестоматийное (квазииконографическое) изображение, условно вербализуемое, как «Седьмой день Творения». На нем представлен библейский Бог-Отец, почивающий, в позе медитирующего старца, на глобусе земного шара, иносказательно реп-

резентирующего сотворенное бытие. Творец, как бы устроил себе... «выходной», и заслуженно... «отдыхает от трудов праведных». Наступило «(вечное?) воскресение»? Творчество объективировалось в Творение, а само «сотворенное» перестало «быть творчеством» Творца?

«Мавр сделал свое дело...»? И что же дальше? Деистическое самоустранение от забот, порожденного детища? «...Мавр может уходить...»? Бог и Человек становятся параллельными (непересекающимися) прямыми? Трансцендентное и профанное оказываются абсолютно зазеркальны друг другу в своих бытийных ипостасях? Но в чем тогда «цели и Смысл(ы)» посюстороннего (человеческого) существования? Обладает ли правом и Человек, созданный *«по образу и подобию божьему»*, позволить себе, в качестве «персонального удела», индивидуальную роскошь «седьмого дня Творения»? Возможен ли «восьмой» и иные «дни Творения»? Вопросы, вопросы, вопросы!

В контексте нашего (религиоведческого) экскурса в предысторию интересующей нас проблемы, нельзя не сказать несколько слов и о буддистской «нирване», весьма напоминающей своими онтологическими коннотациями христианские «подполья» божьего «внекалендарного воскресения». Тот же «Вечный Покой», та же «валяжная безмятежность», те же райские кущи «непривязанности» к сансаре человекообразных страданий и суеты. Волей-неволей (почти по Достоевскому) напрашивается аллюзия из коллективного бес-сознательного, с ее сакральной формой эгоцентрически централизованного «пофигизма»: «Пусть весь мир провалится в тартарары, только бы мне вечером чаю попить...».

Наконец, несколько снижая сакральный пафос, заявленного вопрошания, можно вспомнить и о, так называемой, проблеме «синдрома выходного дня». Согласно современным психоаналитическим квалификациям, это, своего рода, «заболевание ничегонеделаньем»; сибаритство пустого времяпровождения; экзистенциальное «разбазаривание свободы»; тоскливое праздношатательство; бессмысленная («не творчеством») темпоральность. Как не вспомнить здесь с грустной улыбкой и показательный анекдот о том, что «Миллионы людей, мечтающих о бессмертии, не знают, что им делать уже в среду вечером...».

Оговоримся: мы отнюдь не собираемся богохульствовать и, уж тем более, предаваться постмодернистским ересям отрицания сакральных измерений бытия. Наша задача состоит лишь в том, чтобы философско-этически отрефлексировать некоторые «темные пятна» религиозного (и сервильно аккомпанирующего ему) повседневного сознания в вопросах «финально-изначальных» Смыслов человеческого бытийствования.

Как нам представляется, существуют весьма опасные, по своим мировоззренческим последствиям, «искушения мысли», связанные с мыслеобразами «седьмого дня творения» и «нирваны». Данные экзистенциальные соблазны имманентны всей логике «воскресного мышления», имеющего весьма обширную традицию своего культурно-исторического тиражирования. Суть этой мировоззренческой топологии обустройства в налично-данном бытии, сводится к тому, чтобы вывести человека из-под удара «треволнений сущего» и позволить ему «исключить себя» из феноменального мира озабоченности «фатализмом» гедонистических желаний.

Итак! Перестать «желать желать»! Прервать дурную бесконечность стремления к «симулякрам» псевдоценностей! Подняться над суетой карьерных стратегий и тактик поведения. Отрешиться от погони за статусами и полномочиями. В конечном счете, избавиться от захваченности «переживаниями». Или, говоря языком гуссерлианской философии, «вывести за скобки» своего существования и подвергнуть тотальной «онтологической редукции» весь (так называемый) «жизненный мир», с присущими ему многообразными «зовами» и конфигурациями социальных томлений.

Согласимся: ну чем не мировоззренческий коктейль из античной «катаклизмы» стоического мудреца; буддистского (прижизненного) побега от кармической нагруженности эхами перерождений в вожденную нирвану; христианского рая «воскресенья без...понедельника» и плебейского самоустранения от сопереживаний несовершенства бытия в духовном суициде критической массы безвольного безразличия...

И все же, все же, все же...! «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги». Цели подменили Смысл(ы). «Вместе с водой выплеснули и ребенка»...! Благополучие одержало «пиррову победу» над Благом. Праведность капитулировала перед «счастьем». Эстетика торжества над «суетой сует» обезобразила нравственный пафос сострадания по поводу мира, пребывающего «во зле».

Стремилась к «философскому алиби» существования «над схваткой» кажимостей, а на деле, сотворили себе «гносеологическую улику» предательства идеалов человечности. «Бес» Покоя, водрузил победное знамя на территории «обеспокоенной Совести»! Человеческое сознание скукожено самоопределилось внутри «комфортной альтернативы»: или «бесконечный выходной день» высочайшей безучастности к несовершенствам бытия, или «после нас хоть потоп!».

Безусловно, стоически переносящий удары Судьбы античный мудрец; христианский Бог-Отец, по любви и с любовью сотворивший бытие; буддистский адепт, влекомый аллергией к иллюзиям удовольствия и пропастям неиллюзорных страданий, – все они, по-своему, харизматичны для человеческой культуры. Каждый из этих культурологических персонажей воплощает собой некую историческую «пробу пера» человеческого Разума; герменевтическую традицию воплощения человеческих представлений о «должном» существовании. Несомненно, все они являются свидетелями и свидетельствами того, как следует тематизировать экзистенциальную проблематику человеческой повседневности, выводя ее за границы «сущего». Тем не менее, они лишь подводят нашу мысль к этой «границе» и... оставляют нас перед ней, в... смущении и... недоумении! Ибо «за» границей этой Границы нас ожидает «безответственность Отдыха», забвение беспокойства, нравственная обнуленность. «Онтология седьмого дня Творения» и нирванической атараксии, неожиданным образом оказываются «по ту сторону Добра и Зла», трансформируются в одиозную «Апатию» ко всем этическим беспокойствам и экзистенциальным драмам.

Всякая мировоззренческая «догматика», по определению «онтологична». Сама же данная онтология, в конечном счете, является «этически нагруженной системой координат». Между Творцом и Творением (неважно «Кто» в этом качестве выступает) всегда выстраиваются бытийные взаимосвязи (и сохраняются «нравственные» обязательства!). *Творец неизбежно в «ответе» за То и Тех, Кого Он «призвал к бытию», как за «свое Иное». Даже если Он даровал*

сотворенному «полную свободу выбора» собственных («авторских») траекторий существования. Творец не может (в смысле «не должен») самоустраниться «от беспокойства» по поводу всего того, что бытийствует «по Его же образу и подобию». Кстати говоря, одним из фундаментальных (риторических) вопросов, которые приходится адресовать сторонникам эвдемонистических («этических» в кавычках) ориентаций, является как раз «вопрос ребром»: можно ли «быть счастливым», игнорируя и не замечая «несчастья» сущего?

В этой связи, примером для подражания и образцом должного этического «участия» в коллизиях несовершенства (сотворенного) бытия, выступает, на наш взгляд, «презумпция бодхисаттвы». Бодхисаттва – это «Будда», который «находясь одной ногой в нирване» и, имея реальную онтологическую возможность «отрешиться» от кармических метаморфоз, пребывающего в перманентном страдании бытия, тем не менее, добровольно, жертвует этой возможностью ради того, чтобы «остаться спасать» всех остальных «блудных сынов» бытия.

Бодхисаттва – это человек «Восьмого дня Творения», человек, побуждающий (всякого) «Творца» выйти из «воскресного забытья» и «продолжить творение» в бесконечность «бесконечного понедельника», когда Все «Опять и Снова», когда беспокойство радения о несовершенном бытии сметает самодовольство индивидуального (пусть и «божественного») покоя.

В общем, «Доживем до Понедельника»! Точнее, будем жить «понедельником соучастия» и антроподицеей, этически озабоченного, «соратничества» в поисках (недостижимых и к «воскресенью») Истины и Смысла!